

Виктор Иванович Завидей

ДЕТИ ИШИМА

Книга 2. Возвращение, или Легенда о любви

Виктор Завидей

**Дети Ишима. Книга 2.
Возвращение, или
Легенда о любви**

«Издательские решения»

Завидей В. И.

Дети Ишима. Книга 2. Возвращение, или Легенда о любви /
В. И. Завидей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743916-3

Эта повесть о наиболее важном в жизни каждого человека: о дружбе, первой любви, выборе цели, о своих учителях. Повесть написана удивительно легким языком, и ее звучание напоминает музыкальное произведение. Так и должна звучать тема первой любви, оставившая в памяти своих героев нестираемый отпечаток на всю жизнь. Практически каждый читатель обнаружит в ней сходные резонансы чувств юных и повзрослевших героев со своими собственными.

ISBN 978-5-44-743916-3

© Завидей В. И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
«Незнакомка»	13
Фрагменты переписки автора с «Незнакомкой»	14
Теплый лед	21
Фотопортрет	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дети Ишима

Книга 2. Возвращение, или Легенда о любви

Виктор Иванович Завидей

© Виктор Иванович Завидей, 2024

ISBN 978-5-4474-3916-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Степь в цвету

Я поля влюбленным постелю,
Пусть они поют во сне и наяву,
Я пою, а значит, я дышу,
Я дышу, и значит, я люблю....
В. Высоцкий

Пролог

Johann Christian Bach Sinfonia Concertante in C-major No.4

Было хорошо, когда еще не было
ни времени, ни начала, ни конца.
В. Завидей

В повести «Дети Ишима» автор обещал своим читателям продолжить тему «Детей» и их повзрослевших собратьев и героев, которые так полюбились читателям. Прошел год с тех пор, как была поставлена точка в вопросе издания «народной» повести, и первые читатели, ознакомившись с ее содержанием, прислали автору свои отзывы и пожелания, в целом позитивные. Многие читатели обнаружили ряд «случайных» совпадений судеб героев повести и ее автора с собственными судьбами, а также отмечали позитивное эмоциональное воздействие, вызванное, по их мнению, описанными в повести событиями и явлениями. Все это не очень сильно удивляет автора, именно потому, что автор попытался за частными явлениями своей жизни увидеть всеобщее или, как говорится, «рассмотреть лес за деревьями».

Однако некоторые читатели выражали неудовольствие тем, что повесть в целом оказалась слишком короткой, а некоторые эпизоды были изложены уж и совсем лаконично. Другие высказывали свои пожелания, сводящиеся к тому, что количество героев необходимо расширить и, что автору следовало бы подправить стиль изложения, страдающей некоторой корявостью, а также исправить в будущем допущенные ошибки.

Автор, конечно же, согласился с доброжелательными замечаниями и пожеланиями читателей, особенно с наличием ошибок и «корявостью» стиля и обещал, что по мере возможности внесет необходимые изменения. Вместе с тем, в вопросе улучшения качества повести он хочет заметить своим читателям: «Что даже и на Солнце есть пятна», – не имея при этом ввиду ничего плохого.

После некоторых размышлений автор, однако, поделился своими сомнениями с читателями относительно целесообразности внесения изменений в повесть, и в связи с этим выразил некоторую озабоченность. Дескать, поскольку упомянутое сочинение пришлось по сердцу аудитории более широкой, чем поначалу мог себе предположить автор, то возможные внесенные дополнения и исправления могут понравиться далеко не всем, и этого нельзя не учитывать. А потом, операции над живыми героями и персонажами не всегда изменяют их вид в лучшую сторону, о чем свидетельствуют результаты, достигнутые современной медициной при проведении многочисленных пластических операций.

И поскольку этот недалекий автор имел неосторожность обещать читателю, вернуться недалекому прошлому и окунуться в исторические события и связанными с ними людьми. На тот момент он слабо понимал, что все это, судя по всему, может потребовать немало труда и времени. Однако, впоследствии, осознав масштаб задачи и набравшись смелости, автор напрямик решил обратиться к Создателю с просьбой, продлить дни его жизни и сделать так, чтобы и новое «творение» выглядело ничем не хуже, чем предыдущее, а то и лучше, если, конечно, это будет так возможно.

Автор также признался читателям, что он не любитель давать невыполнимые обещания, идею же пускаться на сознательный обман «Детей Ишима», то есть подсунуть им липовых героев и вовсе считает кощунственной, так как нет ничего хуже, чем идти на обман малышей. Между тем шли месяцы, а предпринимаемые автором попытки нащупать сюжет и подобрать подходящих героев для нового «творения» успеха не приносили.

Более того, наиболее доброжелательные читатели по «Ишимской» республике, часть из которых со временем превратились в хороших товарищей и друзей автора, предприняли попытки предложить автору свою помощь в выборе подходящей тематики и героев для написания продолжения повести. Однако этот их благородный порыв успеха не имел. Дело было, скорее всего, именно в строптивом характере автора, поскольку он достаточно серьезно относился к качеству претендентов на эту роль. А поскольку он не умеет писать плохо о своих героях и не любит их, поэтому с малознакомыми персонажами у него могли бы впредь возникнуть никому не нужные сложности.

Конечно, автор не может не воздать должное уважение учителю Светлане, а также учителю Инне с красивой фамилией Каверина, связанных с автором историческими корнями по «Ишимской» республике, за добрые намерения принять участие в создании продолжения «народного» произведения.

Как может заметить внимательный читатель, природа и здесь оказалась верна своим принципам «равновесия». И если у автора в детстве именно с учителями возникали серьезные сложности и противоречия, то в его зрелом возрасте природа как бы старается компенсировать этот изъян и дарит ему их всемерную любовь. Исходя же из этого фундаментального правила, поумневший от времени автор платит сейчас Учителям той же самой монетой.

Автору поступали также недвусмысленные намеки и предложения принять заказную тематику на будущее произведение. На что автор с присущей ему прямоотой объявлял, что на заказ пишутся только злобные и клеветнические пасквилы, а любовные произведения пишутся исключительно с вдохновением, одним словом, «свободолюбивые особи в неволе не размножаются» и не следует путать «божеского с человеческим». Но как ранее отмечал автор, упорство и методичность, свойственные представителям племени учителей, оказались крепче, чем лень их антиподов – учеников. Учителя все-таки сделали свое «черное» дело – одолели и связали ученика согласием, – и наш «народный писака» был вынужден приняться за работу.

А поскольку с вопросами сочинительства у автора как-то не задалось с самого детства, он, пренебрегая советами своих бывших педагогов о непременно составлении плана, перед началом сочинительства из-за излишней строптивости, поступил по-своему. Решил принять на вооружение опыт великих мастеров и художников прошлого, т.е. с набросков эскизов будущего творения. Полагая, что, создав и разложив эти эскизы в должном порядке на столе или стене, можно будет создать из них монументальное художественное произведение, наподобие трудов мастеров эпохи Возрождения.

И тогда, когда у пишущего эти строки появлялось свободное время, он, вооружившись ручкой, подперев ладонью щеку и положив стопу листов перед собой, старательно водил пером по бумаге, пытаясь создать наброски маленьких «этюдов». Такие зарисовки, по его мнению, и должны были в будущем послужить основанием для создаваемого «труда». Но работа подвигалась медленно, примерно так же, как передвигаются старые, больные или пьяные пешеходы по скользкому льду, а то и хуже. Он спотыкался, падал, затем вставал, но из-за своего крайне упрямого характера продолжал хоть и медленно движение вперед.

Пытаясь нащупать твердую почву под ногами, заранее заинтересовать читателя и вызвать его интерес к будущей работе, автор размещал свои «зарисовки» в средствах информации, но массового «психоза», связанного с результатами его «творчества», в народе не наблюдалось. Была, конечно, незначительная по численности положительная реакция, и все... Иногда автору приходила мысль извиниться перед читателем, и признать свое поражение в решении этой проблемы, но ему как всегда мешал собственный довольно трудно сговорчивый, даже с самим собой, характер. Однако ему лишний раз пришлось убедиться в том что, высказывание – «Упорство и прилежание сильнее, чем беспутство и гений» – хорошо соотносится с реальностью.

Из мрака ночи и темноты начали проступать светлые образы его возлюбленных и попутчиков по дороге жизни. Вернулись из небытия слабо различимые лица людей далекого прошлого, не менее близких для автора, чем лики его современников. «Действительно, – думал про себя автор – что, прикоснувшись к теме дружбы и любви к современникам в своем предыдущем „творении“, я несправедливо обошел вниманием вопросы взаимоотношений с людьми из далекого прошлого, пусть даже они удалены от него на тысячелетия». Многих из них автор почитает за самых верных и любимых друзей и Учителей. Мягко говоря, дали они автору, каждый по отдельности, больше чем друзья-современники, взятые все вместе.

В части же вопросов надежности, верности и совершенно отсутствующих у них таких качеств, как продажность, то очевидно эти люди, которых уже нет, дадут сто очков вперед живущим современникам. Конечно, и между людьми из прошлого раньше тоже возникали всякие там «цеховые» дразги и недоразумения, происходящие из-за распространенного в те далекие времена такого негативного качества вроде зависти. При этом, как утверждали злые языки, любой из них мог, не смущаясь, подсыпать белого порошка в красное вино, например, своему другу или родственнику.

Мне, правда, с трудом верится, что такой достойный человек как Сальери мог, без содрогания, сделать пистолетом несколько лишних дырок в корпусе всеми нами любимого Моцарта. Или сыпануть ему в кубок крысиного яду, и всего лишь только за то, что из сплетен, следовало, будто бы его «Аллегро модерато» хуже «Аллегро маэстозо» дорогого коллеги. Однако, все это дела давно минувших дней.

И если у вас сейчас возникнет проблема выбора друзей из этого народца, можете смело делать ставку на любого, – они не подведут. Я, например, в вопросе оценки наиболее важных качеств людей и друзей расхожусь во мнениях, даже с самим Христом, который считал наиболее отвратительным качеством человека – трусость; и в этой связи у нас с ним частенько выходят дискуссии.

– Но позвольте, – обращаюсь я к нему, при нашей очередной мысленной встрече. – Наш Создатель и Ваш Отец наделил свои творения инстинктом самосохранения, который в простонародье именуется трусостью. Не мог же он допустить такого противоречия в своей работе.

– На мой же взгляд, трусость хоть и не хорошо характеризует слабых людей и тем более воинов, все же иногда объяснима и простительна. А вот, что касается предательства, то альтернативой здесь может быть только верность, происходящая от слова Вера.

– Или вот еще один «афоризм», которые злые языки приписывают Вам, что, «если Вам треснули по одной щеке, то следует непременно подставить другую». При всем моем к Вам уважении я, например, считаю, что подобные действия являются чистейшим оскорблением и на них стоит серьезно реагировать. И даже думаю, что эту аксиому нужно сформулировать по-другому, например, так: «Если Вам дали по одной щеке, то следует ответить обидчику по двум, а то и измордовать его до смерти, – чтобы впредь неповадно было!»

Все же такие дискуссии на подобные темы у нас происходят довольно редко. Большей частью, все-таки, мы сходимся во мнении на том, что к людям следует быть терпимее и даже чаще их возлюбить. Вот с такими мыслями и желанием вернуть причитающийся за автором должок окружающим, хотя бы частично, воздать должное современникам и людям далекого прошлого завладела всеми помыслами автора.

Что касается людей из прошлого, то вопрос с их выбором в качестве персонажей повести не стоял, все они в высшей степени достойные и известные миру личности. Можно брать любого. Взять хотя бы для примера такого яркого представителя как Гиясаддин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахима, известного в народе, как Хайям или, например, Гуммеля и Фердинанда Райса; я уже не говорю о Моцарте и Ремарке, или Вивальди и Экзюпери. Да и вообще можно ли их перечислить так, чтобы кто-нибудь из них не почувствовал себя обойденным. По слабому

разумению автора, благодаря именно этим и аналогичным им людям, а не полководцам и правителям, человек сохраняет себя как вид.

В тот самый момент, когда мысли автора были заняты составлением эскизов будущего произведения он, как обычно, прослушивал музыку, и ему вдруг показалось, что задуманное им произведение по духу будет соответствовать замечательным симфониям Иоганна Христиана Баха, некоторым концертам Локателли и Вивальди. Он вознамерился даже сопоставить каждой части своего творения наиболее близкие по духу и атмосфере содержания их замечательные произведения.

До известной степени подобное решение возникло также по причине восстановления справедливости незаслуженно отодвинутого в тень Христиана Баха его великим однофамильцем Себастьяном Бахом. Здесь, конечно, не обошлось без сердечной склонности автора к великому Моцарту и Вивальди. Автор даже взял на себя риск высказать крамольную мысль, что англичанин Христиан Бах, по своей душевной чуткости и выразительности близок к гениальному австрийцу Моцарту, и хочет напомнить читателю, что наименование первой части повести Дети Ишима – «Двадцатый ре-минорный» – носит название одного из его великих концертов.

До известной степени подобное решение возникло также по причине восстановления справедливости незаслуженно отодвинутого в тень Христиана Баха его великим однофамильцем Себастьяном Бахом. Здесь, конечно, не обошлось без сердечной склонности автора к великому Моцарту и Вивальди. Автор даже взял на себя риск высказать крамольную мысль, что англичанин Христиан Бах, по своей душевной чуткости и выразительности близок к гениальному австрийцу Моцарту, и хочет напомнить читателю, что наименование первой части повести Дети Ишима – «Двадцатый ре-минорный» – носит название одного из его великих концертов.

Во второй части повести «Дети Ишима», понимая под этим его возвращение на Ишим, автор решил в целях сохранения логической связи между разными частями также сохранить и главного героя. Несмотря на очевидную простоту такого решения, у автора возникли непредвиденные сложности. Наибольшие затруднения у автора этого творения вызвали попытки воссоздания событий, происходящих в период, предшествующий расставанию героя с полюбившимися ему местами, его друзьями, товарищами и подружками Ишимской республики.

По всем приметам, тот период должен был бы оставить у него наиболее стойкие эмоциональные впечатления от его последних месяцев жизни в далекой детской стране. Но к его удивлению, никаких впечатлений от этого периода жизни героя в памяти автора не отмечалось, более того, он обнаружил, что время или что-то другое стерло не только события, но имена и лица их участников – исчезло все, как и не было ничего вовсе.

Во второй части повести «Дети Ишима», понимая под этим его возвращение на Ишим, автор решил в целях сохранения логической связи между разными частями также сохранить и главного героя. Несмотря на очевидную простоту такого решения, у автора возникли непредвиденные сложности. Наибольшие затруднения у автора этого творения вызвали попытки воссоздания событий, происходящих в период, предшествующий расставанию героя с полюбившимися ему местами, его друзьями, товарищами и подружками Ишимской республики.

По всем приметам, тот период должен был бы оставить у него наиболее стойкие эмоциональные впечатления от его последних месяцев жизни в далекой детской стране. Но к его удивлению, никаких впечатлений от этого периода жизни героя в памяти автора не отмечалось, более того, он обнаружил, что время или что-то другое стерло не только события, но имена и лица их участников – исчезло все, как и не было ничего вовсе.

Памятуя, однако, о просьбе читателей расширить число действующих лиц продолжения повести, автору пришлось обратиться за помощью к своим современникам, поскольку неумо-

лимое время уже завершало свою разрушительную работу по стиранию и их образов из его памяти.

Странно, – рассуждал про себя автор, – этот летний период каникул, после завершения занятий в ненавистой школе, должен был быть наполнен самыми счастливыми воспоминаниями, поскольку главный герой повести, к тому времени, уже прекратил военные действия против своих учителей. Его окружали любимые товарищи и друзья с их общими увлечениями и спортивными играми, прогулками по сопкам, степи, купанием и рыбалкой на Ишиме.

Что точно помнит автор, так это то, что если бы не превратности судьбы, то главный герой повести остался бы в тех благословенных краях в окружении товарищей до окончания своих дней, и что его жизнь сложилась бы счастливо и в гармонии с окружающей средой. Что же касается его ненасытной тяги к путешествиям и бродяжничеству и невозможности сочетать с их с размеренной жизнью в селении на далеком Ишиме, то он поступил бы так, как поступал всегда – оставив решение этого вопроса на волю случая или на потом.

И если кто-то из читателей сомневается в сказанном, он может открыть соответствующую страницу Ре-минорной повести того временного промежутка жизни автора и увидеть счастливого ученика, сбегающего с последнего урока девятого класса в начале лета. И того же субъекта, валяющегося через два месяца на второй полке вагона пассажирского поезда, наподобие мешка с опилками везущего его в неизвестность. И эти два события отделены друг от друга всего одной короткой строкой, за которой, несомненно, должны были скрываться целых два месяца его счастливой жизни в том замечательном краю.

Складывалось ощущение, что «Злые силы», добравшись своими грязными руками до памяти автора и мест, где хранились сведения о последних месяцах его пребывания на Ишиме, селективно удалили именно эти сведения, что впоследствии сильно изменило, а может, даже исковеркало до неузнаваемости его последующую жизнь.

– Подумаешь! – скажет равнодушный читатель, – всего-то два месяца из всей длинной жизни?

Но мы – те, кто знает, что такое жизнь, – можем серьезно возразить равнодушным, заявив, что два месяца счастья могут легко перевесить всю жизнь. Да что там два месяца! День или даже час счастья могут стоять всей оставшейся никчемной и никому не нужной жизни. Ведь счастьем и любовью не названа цена...

В конце концов, автор решил оставить эти «опыты» по восстановлению хронологии украденного двухмесячного периода жизни своего героя, и отложить всю затею на неопределенное время или до тех пор, пока память или легкокрылая муза, не посетит его скромное жилище. Следуя принципам Раджи йоги, он забросил эту задачу в оставшийся не затронутым негодными участком памяти и, как обычно, забыл о ней.

Спокойствие, однако, было недолгим, а точнее до тех пор, пока незнакомый читатель не прислал письмо, с просьбой прислать ему уже опубликованную автором первую часть повести. Хотя в этой просьбе не было ничего необычного, так как с некоторых пор подобные письма поступают автору регулярно. Все-таки, какое-то неясное ощущение беспокойства привело его состояние духа в неустойчивое положение равновесия.

«Ерунда, какая-то...», – думал про себя автор. – «Вероятно, эта неудовлетворенность внешним миром обусловлена банкротством организации, с которой, не от большого ума, связал себя автор в недалеком прошлом». – «Пора уже заканчивать эту канитель, и по примеру древних отправляться выращивать капусту. Хватит уже!» Вместе с тем он понимал, что попытка уйти от прямого ответа на реальную причину поселившегося в нем беспокойства, ему не удастся.

Мягко говоря, с этого момента все и началось. Не знаю, как читателям, но автору с его технократическим складом ума и оставшихся, после вмешательства Злых Сил, нейронов, свойственно увлекаться далекими от техники вопросами типа: – «Что бы было, если б ничего

не было?» – или другими на них похожими. То, что эта проблема имеет прямое отношение к физике, религии или финансам, не может не видеть даже слепой. А вот, например, как эта задача соотносится с народным творчеством, и в частности с сюжетом сказок или жизнью, увидит далеко не всякий.

Для ясности изложения автор решил продемонстрировать сказанное примером, взятым из произвольной детской сказки, главным действующим лицом которой является бесстрашный герой, который добрел до места, где одна дорога разделяется на две или до перекрестка без указателей. И вот тут то и наступает самый сложный этап жизни для его героя – это выбор дальнейшего пути. Он надолго задумывается, но потом почему-то решает, что дорога, которая уходит влево, ему подходит больше, и он отправляется по ней далее.

Вскоре за пригорком он встречает другого героя, который недавно, не совсем порядочным способом, обзавелся невестой и возвращается с ней домой. Прикончив для восстановления справедливости этого отрицательного героя, наш положительный герой женится на отбитой в честном бою красавице, поселяется с ней в шалаше. Живут они счастливо, и через некоторое время у них появляется куча маленьких бесстрашных героев. Мы видим, что при всех прочих равных условиях в мире увеличилась численность благородных и отважных людей!

Если же он удосужился выбрать дорогу, которая ведет направо, то мог вскоре, в дремучем лесу, встретить, например, молодую ведьму, которая своими чарами женит героя на себе, и через некоторое время у них появляются чертенята и ведьмочки. Тогда мы увидим, что в мире возросла численность, и здесь автор не побоялся сказать этого резкого и не очень литературного выражения, – самых обыкновенных уродов!

Если продолжить цепочку рассуждений дальше, то читатель легко заметит, что от любого, даже самого слабого действия или выбора пути обычной букашки, зависит облик всего мира! И тогда наиболее правильным ответом на сформулированную выше загадку мог быть следующий ответ: «Если что-то и было, то ничего не было», или так – «Было все, но ничего не было», или так, – «Ничего не было, но все было!»

И вооружившись этим знанием, мы теперь можем смело отправляться путь. Ступить на палубу шхуны, расправить и наполнить все паруса Грот, Бизань и Фок-мачты свежим ветром, поднять якоря и выйти в открытое море! Капитан уже на мостике, а его верная команда в сборе, по местам и готова поднять якорь. Не стоит упустить из виду и случайно забыть на берегу прочную намыленную веревку, и надежно закрепить ее на рее Грот-мачты.

Она часто пригождается и на суше, и на море, где все еще, как и раньше, шатаются на свободе отпетые мошенники и негодяи. Важно провести проверку исправности шлюпок и плотов, на случай возможного кораблекрушения. И конечно, запастись пресной водой, а главное ямайским ромом или на худой конец грогом. Ибо, исходя из приведенных выше примеров, даже если путешествие не предвещает никаких крушений и катаклизмов, то они, вероятнее всего, произойдут! И с этими словами, вверив свою судьбу небесам, автор и его герои покинут вместе с читателем уютную гавань и выйдут в бушующий страстями океан жизни.

«Незнакомка»

Johann Christian Bach Symphony in G-minor

Мы знаем, чего мы не знаем
И не знаем того, что мы знаем.
Завидей В.

Как уже заметил внимательный читатель, в самой начальной фазе своего произведения, автор попытался сделать акцент на раскрытие сущности таких понятий, как роль случайности и необходимости в природе и жизни человека. Он не опасался выразить свои сомнения в истинности некоторых догматов церкви и веры, склонен к анализу различных явлений, при всем этом он признает Творца. И по этой причине автор имеет все шансы завоевать доверие читателя, при обсуждении событий и явлений на первый взгляд, противоречащих здравому смыслу.

Итак, мы оставили автора на том месте, где он споткнулся о возникшем на его пути препятствии в выборе новых героев и событий, и не находя способов его преодоления, отложил это все до наступления более благоприятного начала. Ждать пришлось недолго и, как обычно, удача «накрыла» автора случайно.

Некая «Неизвестная» обратилась к автору с просьбой прислать ей ранее опубликованную им повесть. Эта просьба ничем не отличалась от прочих других, и автор, как обычно, предложил читательнице, для упрощения процедуры, отправить ей электронную версию. И лишь только в том случае, если повесть придется ей по душе, прислать оригинальное издание в твердом переплете. Однако упомянутая особа, настойчиво попросила прислать ей натурный образец. Когда книга была отправлена и получена адресатом, автор получил от «Неизвестной» письмо, содержание которого без изъятий приведено ниже, равно как и фрагменты переписки автора с другими малоизвестными читателями, которые имели прямое отношение к событиям, связанным с формированием идеи продолжения опубликованной ранее повести «Двадцатый ре-минорный».

Исходя из содержания писем читателей, становятся ясны мотивы автора и его решение сосредоточить свои усилия на продолжении повести. В содержании писем одного из читателей, автора заинтересовал корреспондент, уделивший значительное внимание точной хронологии событий в местах обитания автора, о которых рядовой читатель вряд ли мог даже предположить. Все это было настолько непостижимо и загадочно, как будто кто-то давным-давно вел скрупулёзную запись событий далеко удаленных от текущего времени, и наконец, отважившись, решил вытянуть все давно забытое и автором, и его современниками на свет божий.

Фрагменты переписки автора с «Незнакомкой»

*J. Chr. Bach Bassoon Concerto in E flat Major.
J. Chr. Bach Harpsichord Concerto 6 in F minor*

30 янв. 2015 – Здравствуй, Виктор! Ты меня наверно не помнишь. Мы приехали в Петровку весной. Временно жили у Булавы недалеко от вашего дома. Ты часто провожал меня из школы, потом мы гуляли по Петровке, ее окрестностям, ходили на остров за старицу Ишима. Забирались на «Нашу» сопку. Вскоре осенью вы неожиданно уехали. Вы дружили с Толиком и мечтали изобрести что-нибудь. Может быть, я чего-то и не помню? Но, по-моему, все так и было. У Люси Лоренц в школьном альбоме «Одноклассников» на фото есть и я, можешь взглянуть. Слышала, ты написал книгу о Петровке, очень хочется ее почитать, как это можно сделать? С 1998 года живу в Твери, а до этого жила в Целинограде. В этом году мечтаю съездить в нашу Петровку.

– Привет незнакомке!!! Здорово, что я тебя провожал! Выходит уже в детстве я был галантным кавалером, и провожал даже незнакомых барышень. Так хорошо о себе я никогда бы не подумал. Да, Люда решил себя попробовать и на этом поприще. Пришли адрес электронной почты я тебе вышлю электронный вариант повести. Если хочешь натурный образец, заказывай сколько нужно экземпляров, пришлю почтой. Наши земляки берут по три четыре экземпляра и дарят своим родственникам и друзьям. Часть тиража уже отправил нашим землякам в Германию, в Белоруссию и на Украину, часть ушла в Казахстан нашим соседям из Лозового и Первомайки. Встречаются любители почитать повесть и в России.

К сожалению, я действительно, как ни стараюсь, вспомнить тебя не могу. Уехал оттуда в 63 году прошлого века, без всяких надежд кого-нибудь повстречать в будущем, а потом годы скитаний, словно все стерли из памяти. Мой друг детства Толик, через мою дочурку Машу, вышел на мой след несколько лет тому назад, и я уже успел несколько раз с ним повидаться. Он живет недалеко. Благодаря ему сейчас установил и поддерживаю со многими земляками связь, хоть и не помню их ни по фамилиям, ни визуально. Можно сказать, что с ними заочно познакомился заново. Мой близкий товарищ детства Витя Георге, который сейчас в живет в Германии, отыскал меня сам и уже звонил. Недавно я его перехватил у нас, когда он приезжал к своим родственникам. Кратко все.

– А я тебя хорошо помню! Вообще-то ты за мной ухаживал. Мои особые приметы на тот момент – две длиннющие косы. Приехали мы в Петровку ранней весной году, а ближе к осени вы уехали. У меня с возрастом все воспоминания о Петровке ярче и четче. Виктор, я не люблю электронные книги, если можешь, вышли «нормальную». Мой Почтовый адрес,, Жду.

– Я стараюсь припомнить... Раз две длиннющие косы, то это точно моя слабость! А кто такой Булава? Это в какую сторону от нас было, если ориентироваться по звездам? Повесть, конечно, пришлю.

31 янв. – Незнакомке, здравствуйте! Сегодня отправил повесть. Уезжаю в командировку. Появлюсь через неделю.

– Виктор, привет. Булава жил на центральной улице, почти напротив Бехтольдов, рядом с Николаем Ахметовым и недалеко от Михеля. Помнишь у него одного, на всю Петровку, была пресная вода и все ходили к нему за водой на чай. Вы жили на соседней улице. Твой дом стоял почти напротив моего дома на соседней улице. Потом достроили четырех – квартирные домики, и мы переехали туда, Это уже была третья улица за вашей улицей.

Может, помнишь вечерами Володя Бехтольд, Коля Ахметов, Тимка Дергачев и другие дразнили Булаву тем, что светили фонариками по ночам в окна его дома, сидя на сеновале

у Бехтольдов. А Булава их нещадно преследовал. Тогда у всех были фонарики и соревновались у кого ярче. Володю Бехтольда дразнили Фанфан Тюльпан, а меня «городская», Очень жаль, но многих уже нет в живых. Ну, вот заморочила тебе голову, Спасибо большое за книгу, Буду ждать. Пока.

– Да фонарики были у всех, такие длинные, – китайские. Вот имен этих перечисленных тобой товарищей не помню, разве что фамилия Дергачев мне кажется знакомой; наверное, с ним играл в футбол, не с ним одним, конечно. Как строили финские дома, помню. Я тогда, какое-то время, приглядывал по ночам за стройкой в роли сторожа, и от скуки выучил наизусть всего Евгения Онегина. Этим сейчас периодически шокирую жену. Тем более она осведомлена о моей «тяге» к знаниям того периода жизни, для школы я ничего специально не учил, а чаще всего удирал с уроков. Не могу понять, зачем меня там держали? Почитаешь, повесть и поделишься своими впечатлениями. До связи.

– Обязательно поделюсь! А ты помнишь, как Лиза Бехтольд (мышонок) свистела на всю деревню? Как Соловей разбойник! – Два пальца в рот и свист долетал почти до самой Первомайки.

– Ну, нет, таких замечательных деталей не помню. Более полвека прошло, все-таки. А фото у Лоренц Люси, ты там где? Смотрел, обнаружил фото с Толей и еще одно фото с девочками.

3 фев – Привет, Виктор! Есть фото, где мы с ней только вдвоем. Книжку пока не получила. Каждый день проверяю почтовый ящик. На общих фото я в школьной форме или в полосатом платье.

6 фев. – Привет, Виктор! Книгу получила сегодня. Спасибо.

– Привет, незнакомой девушке, с которой гулял по Петровке! Сегодня вернулся из поездки. Рад, что повесть у тебя в руках, надеюсь, она придется по вкусу, а ты ненадолго вернешься в наше детство.

– Буду, рада, если хоть книга уведет меня туда, куда уже не ходят поезда.

7 фев. – Читаю книгу, – сны твои о сопках почти вещие. В 2012 году на машине ездили в Астану, проезжали через Новочеркасск, В то время там делали дорогу и раскопали сопку, брали щебень. Теперь она стоит уродливая с огромной ямой из-под выбранного щебня, – я на время онемела. Сопка стоит за грейдером напротив Петровки в сторону Астраханки.

– Эти изменения ландшафта наших сопок, гипотетически описанные в повести, еще метко подметила и Евгения из Первомайки и Светлана из Лозового. А еще говорят, нет пророка в своем отечестве! – Это я скромно о себе!

– Виктор, посмотри мои школьные фотографии. Я добавила.

– Хорошо. Обязательно посмотрю. Видать из подсознания. Когда после многих лет увиделся с Анатолием, то он показал мне фото с четырьмя девочками. Я взглянул на них и говорю, – и это что? – Такие девочки классные были у нас!

– Какие мы были смешные, а наивные, – еще больше! Смотрю на фото и попадаю в другое измерение. Тогда неизвестно откуда взялся фотограф, кто-то принес покрывало на стену, и стихийно народ появился и вот такой замечательный снимок получился.

– В таком возрасте быть наивным нормально и замечательно. Хуже наоборот. Вот поэтому, глядя на фотографии тех лет, на меня смотрят симпатичные и хорошие лица, а не лица манекенов.

– Все правильно и идеалы были другие. Все было искренне. На групповом фото я стою за тобой в полосатом платье, остальные потом отмечу. Сейчас 12 дней буду работать без выходных с восьми утра и до восьми вечера.

– Я уже разобрался, что к чему и просто убежден, что такая симпатия, должна была произвести на меня хорошее впечатление. Видать были причины, по которым в памяти ничего не осталось. Пиши не забывая.

– *Дочитаю повесть, поделюсь своим мнением, У меня на нее очередь – дети на пятки наступают. Для них Петровка это все! До 1981 года они там каждое лето проводили. В 1981 году умерла моя мама. На 22 марта взяла билеты на поезд в Калининград, поеду в гости к дочери, отвлекусь немного, 29 обратно.*

– В Калининграде живет наша общая землячка по Петровке, Лидия Ц., – замечательный человек может, повидаетесь?

6 мар. – *Виктор, привет! Книгу читаю с удовольствием, Все так и было! Как только спадет вода в Ишме, ходили на луга – бродили по воде, на лугах собирали первоцветы, все праздники проводили на сопках. Ездили на соревнования в Астраханку, Я играла в настольный теннис, волейбол, баскетбол. В волейбол играли на футбольном поле почти ежедневно, точнее, рядом с футбольным полем. Учитель Кальницкий гонял нас из клуба с вечерних сеансов – других и не было, – и рекомендовал учить химию, а не про любовь смотреть. На следующий день на уроках всех «заваливал».*

Можно еще много говорить об этом, Виктор, ты молодец. Я удивляюсь, как столько умещается в одном человеке, и где ты только не был! Кстати, я хотела все время у тебя спросить, не жил ли ты в Ровеньках? Но потом решила – прочитаю книгу, узнаю. Я в это время жила в Червонопартизанске у сестры. Подруга моя звала меня в Ровеньки в гости к тете, говорила, что познакомилась с парнем, назвала и описала человека, ну очень похожего на тебя, Я просто не сразу сообразила, что это можешь быть ты. Только через время, когда уже уехала. Может просто совпадение? Вот так!

– Люда привет! Я рад, что немного вернул тебя в наше замечательное детство! Да я жил в Ровеньках с 1964 по 1967. В повести есть и это, цитирую, – «... И я навсегда полюбил этот маленький южный Украинский городок». Ну, где-то так. На танцы не ходил. Но возможно, что твоя подруга была отчасти права. Хотя там у меня была сердечная склонность к другой замечательной девчонке по имени Ира.

– *Я знала, что ты там был, и знала это всегда. Романтик! О том, что ты там жил, я и уточнила, прочитав в книге. Может быть, и не на танцах познакомились, а может и не знакомились, но ощущение такое, что это был ты. В Червонопартизанске я была в 1965 году. Ну откуда я могла знать, что ты жил в Ровеньках? А ведь я знала! Как это понимать? А вместе с Петровкой я очень люблю свой родной городок с Вольни и мне очень больно за все то, что там теперь происходит. А вкус Петровки до сих пор ощущаю. Добавлю, что в повести очень точно сказано о друзьях! Сама придерживаюсь этого мнения.*

– Я же в детстве и юности во сне летал по ночам. Значит, мог быть в любом месте. Везде, так сказать... Я очень рад повторной нашей встрече и новому знакомству. После Петровки Ровеньки были вторым замечательным местом жизни. Третьим был Физтех и студенческие годы, которые к несчастью продлились всего шесть лет! Вот так из отрывков состоит вся наша жизнь, как из страниц книги.

– *Какой области Ровеньки? Ну откуда у меня все это! Я тоже один раз летала во сне. Видела себя как бы со стороны, летала недолго среди звезд, но испугалась, что не вернусь.*

– Ровеньки Луганской области, где сейчас воюют. У меня тоже странные ассоциации с тобой, особенно после того, как увидел у Толи фото. Может, это я тебя приглашал на ночные прогулки и участвовал в семинарах этих..., которые с метлами и в ступах? А может мы еще и лунатики? Лунатизм, правда, у меня прошел давно. А летал я еще долго. Даже еще совсем недавно.

– *Все возможно, А ты при всей своей многогранности астрономией не увлекался? Ты по пути домой (в нашей Петровке) мне о звездах рассказывал. Небо там бархатное и звезды яркие. Рассказывал еще о своих мечтах изобретателя.*

– Ну, я же какой-никакой, а все-таки физик, не тот который учит физику, а который в свое время помогал тем, кто ее делает, ну и сам участвовал в этом деле, в меру своего разуме-

ния. Поэтому, как и Королю из Маленького Принца, звезды мне повинуются беспрекословно! Видишь, значит, ты у меня вызывала доверие и симпатию. А бы с кем, я о звездах не говорю!

– Кто б сомневался! Спасибо, я польщена. И пусть будет так всегда! А наша память это такая штука, что все равно когда-либо вытаскивает из глубин что-нибудь, хотим мы этого или не хотим. Вдобавок я была новой жительницей Петровки.

– И тебе спасибо, за добрые и приятные воспоминания. Теперь ты у меня будешь проходить под позывным, как: «Девушка, которой когда-то рассказывал о звездах» или «Звездная». – Здорово!!!

– Еще и как!!! Спасибо за романтический позывной. Потому, что это так и было.

7 мар – «Звездной» – с весенним праздником и превосходного лета. Не забудем о ее здоровье, а также здоровье всех ее близких.

8 мар – Спасибо, Виктор! У меня, как и у тебя три дочери. Всем здоровья крепкого благополучия, берегите друг друга. Очень остро это понимаешь, когда теряешь.

Я все забывала тебе сказать о том, что твое фото на трапе судна с рюкзаком у меня ассоциируется с песней «Люди идут по свету им вроде не много надо, была бы прочна палатка, и был бы не легким путь...» – Так классно!!!

– Мне тоже она очень нравится. – «Ветер странствий избранных пьянил, с ног валил и мертвых воскрешал...!» Песни наших студенческих лет бесподобны! Они вечны! Как звезды и ночное небо над Ишимом. Если разобраться, то для счастья людям не так уж много и нужно.

– Звезды над Ишимом – это отдельная песня! Небо ясное, бархатное, все созвездия как на ладони. Когда ездили туда на машине «своим ходом» специально останавливались ночью в степи посмотреть на звезды и подышать. Такого больше нет нигде. И у Петровки аура особенная, и если мы обо всем помним, значит, была такая особая «Страна», которая всех объединила.

– Да, Люда! – Похоже, это так. Надеюсь, мне удалось в «Двадцатом ре-минорном...» передать ощущение всего этого. Это даже заметно по объединению людей с наших краев. Столько воды утекло, а почти все, кто жив, собрались обратно в виртуальный мир, словно хотят оставить все по-прежнему, хоть бы в воображении.

– Я бы это охарактеризовала «реальность в прошлом», как то так. В душе столько тепла к тому времени. Почти всех помню по именам, фамилиям и событиям. А в Петровке какая-то особая притягательность, забыть ее невозможно! Повесть очень объединила всех. Ну, вот нагородила тебе всякого!

25 мар – Люда, добрый вечер. Только что Лидия прислала сообщение о вашей с ней встрече. Рад за вас. Это здорово, когда встречаются земляки, которых раскидало по всему свету!

– Привет, Витя! У меня тоже остались очень хорошие впечатления от встречи с Лидией Ц. Погуляли по берегу Балтийского моря в Светлогорске, посидели в кафе, погрелись глинтвейном и о многом вспоминали. Приеду домой, напишу подробнее.

После отпуска начинаю входить в колею. Читая книгу, заметила, что у нас много совпадений. У меня родители Мария и Иван и у тебя тоже. Я слышала, что у тебя день рождения число 17 и у меня тоже, и оба мы жили на Украине. Я жила на Волыни. Все, что ты описываешь об Украине, мне тоже все очень знакомо и близко (кроме волшебных прутиков, которые к тебе применяли в воспитательных целях). В селах у меня жили подруги, и я часто гостила у них летом. Эти поля пшеничные, усыпанные маками и васильками до сих пор стоят в глазах ярким незабываемым зрелищем.

В детстве с приятелями облазили шлюзы, каналы, окрестные леса. Сначала вылазки в лес за подснежниками, потом за фиалками, потом по садам, – за грушами, черешней и т. д. Из игрушек были скакалка, мячик и мел для рисования классиков, и это было здорово! Читайте об этом все свое, родное, читаю о Петровке, – то же самое, все пропущено через душу.

Я слышала, что чем старше человек, тем ярче воспоминания. Книга мне очень понравилась. Я восхищаюсь твоим упорством, жадностью к знаниям. И еще, мы с мужем в отпуск любили ездить на машине, он меня тоже называл итурманом. Внучка в Калининграде сейчас учится в университете им. Канта на физико-техническом факультете. Витя, успехов тебе, огромных, здоровья крепкого тебе и всей твоей семье. Твори! Дерзай!

– Спасибо! Ты лишний раз подтверждаешь аксиому наших земляков, что повесть написана обо всех наших и не только. Разглядывая твоё фото, однако, не могу не заметить скорбное выражение твоего лица и глаз. Что так? Вроде у тебя всё хорошо. Как наладится компьютер, – пиши. Мне нравится, что ты пишешь и как. А то, что с возрастом ярче картины детства, это понятно. Не отвлекают другие неотложные дела, особенно у девочек...

– А насчёт фото, сама не понимаю, почему так. А после смерти мужа, особенно. В мае будет два года, как его не стало. Прожили вместе 47 лет. Я очень стараюсь выглядеть по-другому, но получается ещё хуже. После его смерти жизнь круто изменилась, я только начинаю приходить в себя. Витя, берегите друг друга! С наступающим вас вербным воскресеньем.

– Я что-то предполагал в этом роде, по тональности твоих сообщений. И что дети сейчас разъехались, и ты одна? Правда, порой в толпе бывает ещё более одиноко. Мне это знакомо. Взбодрись, скоро Весна!!!

– Спасибо за поддержку. В Твери живет старшая дочь и внучка Мария. Старший внук живет и работает в Питере. Младшая дочь в Приморск-Ахтарске, ну и средняя в Калининграде. Они меня любят и стараются во всем поддержать, очень уважают. Самая маленькая Софья, зовет меня просто Людой. Ты – говорит не бабушка, ты молодая и красивая. А я, как всегда, ни на чем не настаиваю. Я с ними на «короткой ноге». А ещё бывает очень одиноко, когда ощущаешь себя, – ни Богу свечкой, ни Черту кочергой. Работа спасает. Я думаю, что с такими друзьями как «Дети Ишима» я всё одолею. Просто совсем мало времени прошло. Буду стараться.

– Постарайся. Ты замечательная. А «Дети Ишима» на помощь придут. Не в обычаях нашего народа, оставлять товарищей на произвол судьбы. Держись до подхода «наших». Кстати, в Приморск-Ахтарске живет ещё одна наша землячка. По-моему тоже хороший человек, как и практически все петровчане, – это Ирина К.

5 апр – Да, я знаю, это дочь Эрны З. В прошлом году я гостила там целый месяц и встречалась с ней и Эрной. Да, ты прав Ирина очень хороший человек. Я общаюсь с ней. А ты молодец, держишь руку на пульсе, знаешь всё! С вербным воскресеньем!!!

– Тебя тоже, если это, конечно, праздник. Но мне это больше напоминает вербные прутьики под иконой Божией Матери. Праздничные дни с прутьиками, у меня в детстве были почти каждый день, а то и дважды на дню. Хотя, скорее всего, они были не вербные, а ивовые. Те были более износостойкие!

7 апр – Витя, а ты знаешь, я иногда сожалею, что ко мне не применяли таких «прогрессивных» методов воспитания, как к тебе. Я ведь была тоже хулиганистая, правда в меру. Могла и платье подружке порвать, обсыпать песком и всё за правду матушки. Как-то всё сходило с рук. Угол, правда, никогда не пустовал. А у тебя были быстро изнашиваемые прутьики, да ещё под иконой Божьей Матери! Вот и получили Личность.

Витя, я всё думаю, почему ты плохо помнишь всех наших? Мне кажется это потому, что главным для тебя было твоё увлечение техникой и физикой, увлекался радио, делали с товарищем аэросани, самолет с постоянным желанием что-нибудь изобрести и усовершенствовать. Всё остальное было на заднем плане и воспринималось не с такой потребностью. Ты был всегда серьезным и вдумчивым. Может быть, это и не совсем так, но интересно вспомнить, что с нами происходило в то время? Может быть потому, что ты общался в основном со своим другом, и вы что-то там всё изобретали? Ну да ладно, это только мои предположения.

– Люда, привет! Я почти не помню никого, даже с Люсей Лоренц и Колей «познакомился» повторно совсем недавно, и в основном благодаря твоему однокласснику Толе. Но мне досаднее всего почему-то, что я не помню тебя. Когда после сорока лет встретился с Толей, естественно мы пытались поговорить обо всем и всех. Он достал старые фото, на одном из них была группа ребят с девчонками. Скажу прямо, на меня взирали абсолютно незнакомые лица. А это кто, – спрашиваю я Толика, – указывая на твой образ. Он что-то ответил, может, назвал твою фамилию, я сейчас уже и не помню. Невероятно, говорю я ему, – какие же симпатичные девчонки были у нас, а я ничего и никого не помню.

Но дело даже не в симпатии, а в чем-то совершенно другом. Симпатичными были и другие девчонки. А вот чтобы так с лета, с неживой фотографии кто-то «влез» ко мне в душу, – такого не помню. Может это наше подсознание, выделяет такие фокусы? Потом ты сама материализовалась с запросом повести. А теперь припомни о чем повесть? Следуя принципам йоги: – «выкристаллизованная идея, – материальна!»

Ты пытаешься объяснить слабость моей памяти, тем, что был увлечен всякой ерундой, и был очень серьезен. Это вряд ли, я был не настолько серьезен, как могло показаться с первого взгляда. Тут что-то другое. А что это другое, пока понять не могу. Как говорится – нужно поработать над памятью!

– Ну, допустим, занимался ты не ерундой. В тебе уже был тот стержень тогда, да и даже раньше. А подсознание тебе подсказало правильно, не зря ты указал на меня. Мы с тобой дружили и много бродили вечерами по Петровке, и отношения были очень красивые, теплые и дружеские, какие бывают только в таком возрасте. Когда ты мне что-нибудь рассказывал, все вокруг становилось таинственным, и было интересно от разговоров о звездах и о прочей «ерунде», как ты говоришь.

Мы с Эрной З. вспоминали об этом, встретившись на Азове. Она мне и сказала, что ты написал книгу, и напомнила мне о «ярлыке», который навесили на тебя за прогулки со мной. А вот, как все сошло на нет, – я тоже не помню. Если можно, ты понемножку расскажешь о себе, не за раз, конечно. Я думаю, в процессе переписки, постепенно все узнается, нам торопиться некуда. Большие 50 лет не слышали ничего друг о друге. В книге на обложке с задней стороны видел, наверное, опечатку. Тебя там обозвали Виталием Ш.!

– Нет, Люда, это не опечатка. Там пропущено двоеточие, поэтому меняется смысл. Это наш земляк и он живет сейчас в Германии. Первая половина «эссе» это мои слова, а вторая его. Он такой славный, пишет стихи, но какие-то уж очень печальные. Представитель поэтов из, так называемого, – «Серебряного века». Мне сложно оценить его творчество. Я люблю только Пушкина и Хайяма, это мои «ребята». Я ему так и написал, чтобы не обижался. Глупо, наверное, но поделаться с собой ничего не могу. Он, кстати, принимал самое трогательное участие в подготовке первой части повести Детей Ишима «Двадцатый ре -минорный» к печати. После ее прочтения, тоже загорелся. И как теперь пишет, хранит повесть на самом видном месте! Конечно, мне приятно иметь такого друга-земляка. А что касается провала в памяти, вероятно, были причины, но я их не помню.

– Виталика Ш. и его брата Валеру я хорошо знаю. Это дети Рангольд Рангольдовича и Ларисы. Она была заведующей клубом, и мы ее все звали Ларисой, без отчества!

– Люда! А что это за своеобразное черно-белое фото молодой женщины у тебя на странице? Там еще кто-то, прокомментировал фото: «Какая красивая!». На тебя из ранних фото, не очень похоже. А на другом, мы на одном фото с тобой вместе. Вот чудеса!

Этот фотопортрет породил у меня много самых различных ассоциаций, связанных как с внешностью «незнакомки», так и скрытых свойств ее характера. Я не являюсь потомственным экстрасенсом, чтобы по неживому изображению предсказывать особенности носимых его владельцем качеств, и все же рискуя навлечь на себя немилость хозяйки, попробую в виде корот-

ких рассказов описать порожденные фотографией образы, и заранее прошу «незнакомку» прощения, если в этих попытках, наломаю дров.

– *Я в комментариях не хожу, а надо бы. Если черно-белое изображение, то это я в семнадцать лет. Посмотрю, скажу точнее. Да, – это я. На другом фото, я стою за тобой.*

– Здорово. Становится все интереснее

– *Ты что имеешь в виду?*

– Ну, то, что мы на одном фото, а я кроме Анатолия никого не помню. Точно амнезия, какая то!

– *А вдруг в сознании что-то щелкнет, и ты все вспомнишь. Бывает же такое?*

– Всякое бывает. Но сейчас в моей жизни, к счастью, нет никаких особых потрясений. Скучновато мы начали жить, – «нет романтики, и пропал у нас духа авантюризма», – стареем!

8 апр. – Я уже тебе писал, что фотопортрет «незнакомки» вызвал у меня повышенный интерес и породил ряд ассоциаций, которыми, если позволишь, поделюсь с тобой.

– Действительно если на фото взглянуть мельком, то первое впечатление такое, что в этом лице нет ничего лишнего. Оно поражает чистотой и практически совершенно. Подобного лица видеть раньше, мне не приходилось, здесь и все составляющие элементы гармонируют друг с другом. Не буду вдаваться в детали.

Более внимательное изучение фото показывает некоторую напряженность и даже некоторую надменность взгляда, как бы осуждающего того, кто перед ним находится с высоты своего положения. Может быть, это впечатление сложилось из-за того, что взгляд незнакомки на фото направлен в сторону и сверху вниз.

Приходила на ум и другая аналогия, наподобие того, что фото «незнакомки» сделано перед свадьбой красавицы, и будто бы свое согласие на эту процедуру она дала, но ничего хорошего от нее она не ждет (бывает и такое).

Возможно, окружающая действительность или недостойное поведение людей из ее окружения, вызвали ее возмущение и презрение, и, несмотря на это, признаки благородства характера, проступают на ее, несомненно, красивом лице. Одним, словом, от портрета веяло, если не зимней стужей, то прохладной осенью, и он порождал больше вопросов, чем ответов.

Расскажу тебе короткую историю, приключившуюся со мной по этому случаю, когда по молодости за красоту я иногда принимал внешнюю оболочку.

Теплый лед

Niccolo Jommelli – Requiem

В студенческие годы, в возрасте примерно двадцати четырех лет, я познакомился с девчонкой лет шестнадцати-семнадцати с необыкновенно правильными чертами лица. Она чем-то напоминала мне собирательный образ Марии Магдалины из многочисленных известных картин встречи Иисуса с Марией, где Иисус, «плетет» ей басни, а она внимательно его слушает. Такое же, как на фото незнакомки, у Марии было безупречное по очертаниям лицо, темные волосы, красивый носик ну и все остальное. Само собой мне, как и Иисусу, тоже захотелось с ней побеседовать наедине без Марфы или других посторонних. И я решил пригласить ее тоже на тайную «вечерю» в свою студенческую «келью».

Мало кто из нормальных людей не попадает под магическое влияние красоты. Попал под ее воздействие, причем достаточно быстро, и я. Мы склонны приписывать красоте такие достоинства как благородство, доброту, ум, ну и все остальное, что лучшего можно найти у людей. Прошли полчаса или час нашей «тайной» вечера, но беседа с «Марией» почему-то не клеилась. Никаких общих интересных тем не находилось, хотя к тому времени я уже заканчивал лингвистический «Университет» и кафедру Всеобщего языка, где стяжал неплохие отметки по этому предмету и имел определенные навыки ведения бесед с «девами» почти что неземной красоты.

Прошло еще некоторое время и когда слова закончились окончательно, я подумал, что может другой диалект Всеобщего, под названием «прикосновение», позволит нам обрести хоть какую-нибудь общность взглядов и интересов. Но не тут то было. ... Хотя я и не предпринимал сколь-нибудь активных действий, способных вызвать подобную реакцию, эта девушка, шарахнулась, как от захворавшего проказой.

Странно, – подумал я, – именно в таком возрасте подобный диалект «Всеобщего» и представляет наибольший интерес для двух сторон. Не тогда же, когда «собеседникам» стукнет лет по сто! А может в том молодом возрасте, все же из-за недостаточного образования и практического опыта, мной часто допускались серьезные ошибки? Находясь даже уже в более зрелом возрасте и накопив приличный практический опыт, я так и не сумел для себя однозначно ответить на этот вопрос. Хотя сейчас мой интерес к этой проблеме носит чисто умозрительный характер.

Во Львове, который мне приходилось посещать многократно, есть знаменитое старинное польское Лычаковское кладбище. Как и все католические кладбища, оно интересно своими надмогильными памятниками-склепами. Так вот там, на могильных склепах в изобилии установлены статуи скорбящих дев и тоже неземной красоты. Примерно нескольких часов неторопливой прогулки между рядами склепов и статуй, позволяют надежно выбрать любую из них по своему вкусу. Внешне образ моей девы «Марии» порождал умиротворение и спокойствие, и от него веяло материнским теплом и блаженством.

Однако первое прикосновение к богообразной «Марии» повергло меня в состояние, близкое к шоковому. Мне показалось, будто я оказался в могильном холоде гранитного склепа или прикоснулся к мраморной статуе. С той поры я и к красоте подхожу с опаской. Может быть, по этой причине я столь тщательно рассматривал этот фотопортрет незнакомки.

7. апр. – Люда, к сказанному хочу добавить, что именно этот образ «незнакомки» с фото, породил еще несколько своеобразных полумистических видений и ассоциаций.

Одно из них реалистично, но связано с впечатлениями автора еще из периода его студенчества и перекликается с сюжетом романа Фейхтвангера «Гойя, или тяжкий путь познания», который оказал на него сильное впечатление в юности. Относительно ассоциаций, возникших

в связи фотопортретом незнакомки, приведу их чуть ниже, в виде коротких рассказов на сон грядущий.

Иногда подумываю, не податься ли мне в ополчение на Донбасс, где сейчас происходят драматические события. Романтики там точно нет, но там есть дух борьбы и товарищества, а это чувства хорошие, и мне последнее время их явно недостает.

8 апр. – Придумаешь такое! Никакого Донбасса. А может еще, какое-нибудь занятие себе найдешь, – может, огород на даче перекопаешь? Толик твой друг, наверное, уже работает на даче. Разговаривала с ним по скайпу, оброс как Циолковский.

А память это такая штука, в любой момент может вытащить из «ниоткуда» то, чего не надо, а что необходимо спрячет глубоко. Так что, посмотрим, что будет происходить, остается ждать!

– Толик не только работает на даче, он там постоянно живет, как отшельник. Особенно там «интересно» в морозы. Из-за отсутствия отопления вода в доме замерзает. Мы спасались вкусными и полезными напитками. И еще возле его дачи зимой собираются все брошенные дачниками коты. Их там великое множество. Был один по имени Степан, очень интеллигентный субъект. Я ему потом все время привет передавал. А сейчас он мне почти не пишет, – совсем одичал. (Нет, не кот Степан, а Толя, конечно).

– На даче хорошо в любую погоду, даже в осенний дождь, а если еще и тепло, то супер! Я очень люблю землю, и работать на ней люблю. Просто сейчас у меня этого нет.

10 апр. – Ну вот! И ты уже чаще начала употреблять главные слова из словаря Всеобщего. У меня тут появился какой-то призрачный образ «незнакомки». Припомни, в то время когда мы познакомились, ты в образе рыжей, энергичной девчонки не была? Что-то у меня мерещится, а может это из моих сновидений, или из параллельной реальности.

Рассматривал ваше семейное фото. Ты там маленькая, но узнаваема, и такая симпатичная, глаза не поддаются описанию. Сейчас глаза, как подменили. На маму не походишь совсем. Но я и мамы твоей не припоминаю, хотя ты говоришь, что мы жили рядом. По фото, мне кажется, что ты, брюнетка, а не рыжая. Рыжих я всегда опасался, они коварные «бестии». Хотя Светлана из соседнего селения Лозового утверждает, что я мог, был быть знаком с Верой Р., у которой были бесподобно-красивые выющиеся рыжие волосы.

11 апр. – Я от рождения брюнетка. Глаза у меня зеленые, говорят – с поволокой. Со стороны виднее. Рыжей никогда не была.

Я вот все думаю о твоей памяти, а моя мне словно выбросила из глубин. Ты ведь был первый мальчуган, с кем я вот так просто, вечером, гуляла в свои четырнадцать лет. На Украине мы, обычно гуляли всей улицей. Вечерами лазили по садам, на спор ходили вечером в разрушенный старый замок, потом от страха убегали оттуда, так что пятки прилипали к одному месту. А вот так просто, чтобы гулять вдвоем, – не гуляли. Вот такое открытие. А глаза, с возрастом слегка меняют свой цвет.

12 апр. – Я шатенка. Извини, ошибка вышла. Вот ведь повелась на брюнетку!

12 апр. – Люда! С праздником Пасхи. Пусть тебя и твой дом обходят стороной печали и всякие другие напасти. А шатенка и зеленые глаза, это то, что надо! Как говорил один из героев мультфильма о лопнувшем шарике:

– А какой у него был цвет?

– Зеленый.

– Самый мой любимый цвет!...

Хотя глаза у маленькой девочки с фото, кажутся темными.

13 апр. – Христос Воскрес! Витя. Спасибо за пожелания. Тебе всех благ и всем твоим родным и близким.

Если присмотреться внимательнее, то на фото с заставки цвет глаз просматривается, но и то искажен цвет. А детская фотография черно-белая и, наверно, поэтому глаза кажутся черными. – Ты какой напиток предпочитаешь?

– Покрепче! Малютка напоминающую тебя в детстве непередаваемо хороша, – на атамана «сорви голову» похожа.

– *Давай налью, – коньяк подойдет?*

– Еще как подойдет, тем более со «звездной» девчонкой. Скайп не люблю, как и многие другие новшества. Поэтому, – «отрубил» его. Пойду на кухню налью, и как по христианскому обычаю, чтобы без современной «показухи».

– *Правильное решение! Коньяк «звездный», девчонка «звездная», ночи «звездные» – мечта! Так что, давай без «показухи скайпа» я с тобой, Христос Воскрес!*

– Христос Воскрес! Отдохни. Всплывет из памяти что-нибудь, дай знать, – интересно, что же с памятью моей стало? Вчера ездил на дом занимался прививкой деревьев. Вскоре чуть потеплеет, переберусь туда.

– *Что прививал, – мичуринец юный? Надеюсь не баобаб? А вообще здорово, что у тебя есть дом. Обожаю дом на земле.*

– Из глубинки России передали привои с какой-то яблони, и еще у соседа веточку привоя яблони спер, – говорят, – если сопрешь, так лучше приживаются! Осталось совсем ничего, – подождать до осени.

Послушай! – Пришла интересная мысль – скрестить борщевик со свеклой, – может борщ украинский выйдет? Был один биолог, который скрещивал помидоры с картошкой. – Должен был появиться новый сорт с картошкой внизу и помидорами наверху, под названием «Пукс». Но почему-то всегда выходило так, что внизу не было картошки, а наверху помидоров?

Прости, пытаюсь, как и раньше в молодости нести околесицу, тем, кто мне, чем-нибудь симпатичен.

– *Спасибо, очень тронута – «околесицей». У меня, на меня никто не похож. У младшей немного глаза похожи, но таких глаз как у меня ни у кого из них нет.*

– Это точно. И внучек похожих на тебя тоже нет.

– *Значит я одна у них такая! Отработала свои 2 дня, дни выдались очень суматошные, даже подустала. С утра прошлась по делам, и наконец, дома! Витя, у тебя что нового? Расскажи немного о себе, хотя бы отрывками.*

13 апр. – На сон грядущий расскажу «брюнетке» одну историю из моих студенческих лет, связанную с твоим фотопортретом. Фото и запечатленный образ «незнакомки» действительно интересны, и я пытаюсь представить себе, что за человек скрывается за ним. Хоть эта история касается в основном меня, но на ее примере мне бы хотелось продемонстрировать, чтобы твои рассказы о себе самой напоминали этот. Меня больше всего интересует отношение человека к другим людям или событиям, а не описание себя самого, как такового. Из такого описания лучше представляешь человека, чем по тем анкетным сведениям, которые он сообщит о себе сам. Тем самым буду удовлетворять твой интерес к моей жизни в разные периоды времени.

Фотопортрет

J. Chr. Bach Harpsichord Con. 3 in D minor

На пятом курсе, тоже на одной из студенческих вечеринок, я познакомился с одной барышней. Обучалась она в то время в институте иностранных языков им. Мориса Тереза на предпоследнем курсе и представилась Еленой. Прямо скажу, до Елены Прекрасной она не дотягивала, так как ничего интересного и примечательного в ней не было, разве что слегка картавила. Внешне была невысокого росточка, худенькая, но с неплохой фигуркой, ну может еще с хорошеньким носиком. Носила она короткую прическу, которая как-то бестолково сидела на ее голове, и которая, как мне казалось, была размером больше чем необходимо для гармонии со всем остальным. Поскольку я с ней никогда не ходил в гости к своим друзьям, мне это было почти безразлично, и я даже успокаивал себя словами, что если в мире есть «зоопарки» то в нем должны быть разные «звери».

К ее достоинствам можно было также отнести манеру ведения беседы, она никогда не перебивала собеседника, и на любые вопросы спокойно давала исчерпывающие и разумные ответы. Беседовать с ней было интересно, но сейчас абсолютно не помню, о чем мы там говорили.

Иногда я приглашал ее на репетиции группы, с которой раньше пополнял свой скромный студенческий бюджет, гастролируя с ними по значным столичным местам. Музыканты, которым, в свое время, я приносил доброе и вечное, всегда были рады меня видеть и рассчитывали на мое возвращение своего «заблудшего с точными науками» побратима в мир прекрасного. Иногда забредали в кинотеатры на фильмы.

К особенностям этих встреч я бы отнес то, что я никогда к ней не прикасался, даже не брал за руку, хотя к тому времени я уже неплохо усвоил важность диалекта Всеобщего языка, именуемого «Прикосновение». Страшной эту барышню назвать было нельзя, а вот «серой мышкой» – это как раз те слова и впечатление, которые она вызывала у меня с первого взгляда. В начале зимы я перебрался из столицы в НИИ подмосковного городка для работы над дипломом и возможно последующего распределения, после чего редкие встречи стали еще более редкими.

Следует сказать, что в те давние времена социального равенства, деление людей на противоборствующие классы отступило на второй план, все классы, смешались друг с другом, – одинаково трудились, одинаково отдыхали и примерно одинаково пьянствовали, не исключая интеллигенцию и студенческую прослойку. Существующая социалистическая действительность породила в основном две группы населения, – столичных и нестоличных жителей со значительной разницей в конституционных правах и возможностью доступа к земным благам.

Создавалось впечатление, что столичные и нестоличные жители превратились в людей белой и темной расы. Особенно это социальное неравенство, бросалось в глаза студенчеству, завершающему образовательный процесс. Бросилось оно в глаза и мне. Мои приятели, чтобы удачно распределиться после окончания учебы, женились на столичных жительницах и становились людьми с белым оттенком кожи. Легкомысленные – вынужденно мигрировали за пределы столицы и просто превращались в потомков ацтеков или индейцев, которых вытеснили в резервацию.

Что касалось меня, то по легкомыслию, заблаговременно не обзаведясь столичной спутницей по жизни, я автоматически был причислен к «краснокожим», обитающим за пределами кольцевой дороги, опоясывающей столицу. Грязноватый промышленный город Подольск, где располагался мой НИИ в отличие от дачного Долгопрудного с зелеными полями, березовыми

лесочками и озерами, поначалу поверг меня в полное уныние. Видя это, одним днем моя сестренка, которая в то время трудилась в столичной строительной организации, озадачилась моей проблемой реинкарнации в лицо с другим оттенком кожи, и вскоре предложила ее решение. Нужен был лишь пустяк, – фиктивный брак со столичной аборигенкой.

Вскоре был найден подходящий вариант, так как ее подруга, тоже строитель, могла получить отдельное жилье от своей организации, для этого было необходимо создать некоторое перенаселение в существующем жилье ее родителей. Согласно договоренностям, каждый из нас получал свое, – я столичную прописку и статус «бледнолицего», мой компаньон отдельную от родителей квартиру.

Был погожий солнечный, мартовский денек, когда уже всем стало ясно, что весна не за горами, наш «темнокожий» студент, утомившись от явлений в низкотемпературной плазме, решил совершить прогулку по ненавидимому им городу. У него был слабый расчет на то, что прогулка в солнечный день по Революционному проспекту, разгонит сгустившийся в его душе мрак, навеянный городом со славным революционным прошлым. Нужно сказать, что каких-нибудь музеев в этом городке не было. Исключением из правила был деревянный домишко на берегу реки Пахры, протекавшей через этот город, и в котором по преданиям, некогда останавливался творец Российской революции – В. И. Ленин. В этом домике местными властями со временем был открыт единственный городской музей, носивший имя главного революционера.

Вместо посещения музея и знакомства с его экспонатами, студент забредал в подряд расположенные магазины, – посуды, мебели, садового инвентаря и все другие, какие попадались ему по дороге. Примерно так же, как и в музеях, он рассматривал выставленные на всеобщее обозрение экспонаты, чем вызывал неподдельное удивление молоденьких продавщиц, особенно в лавках по продаже нижнего женского белья.

И вот после обстоятельного знакомства с экспонатами «музея» «1000 мелочей», я был остановлен незнакомой барышней, которая голосом меццо-сопрано, поинтересовалась, как ей пройти к станции пригородных электричек. Барышня в белом, накинутом на голову пуховым платком, сильно напоминала известную героиню фильма «Приходите завтра», – Фросю Буракову.

Поскольку осмотр экспонатов местных «музеев» мной был уже завершен, и я повернул обратно в направлении станции пригородных электричек, то и сообщил незнакомке, что направляюсь в нужную ей сторону. Мы, не спеша, двигались по проспекту и о чем то беседовали. У моей попутчицы помимо красивого голоса, был явный артистический талант и вскоре от рассказанных друг другу каких-то смешных эпизодов и анекдотов мы оба покатывались со смеху, чем даже вызывали зависть у встречающих прохожих, озабоченных серыми буднями промышленного города.

Пройдя, однако, половину пути, неожиданно выяснилось, что моя спутница живет неподалеку от церковного храма этого же города с революционным прошлым, и на электропоезд не опаздывает. Она недавно окончила институт иностранных языков Мориса Тереза, была влюблена и собралась замуж за англичанина, а в настоящий момент времени живет с родителями и является безработным переводчиком англосаксонского направления. Ее желание познакомиться с молодым человеком, было вызвано простительной слабостью молодой женщины и тем, что мой образ чем-то напомнил ей о далеком возлюбленном из туманного Альбиона, с которым тайные службы не позволили сочетаться законным браком.

Все это было доведено до моего сведения с прямотой и детской непринужденностью, что не могло не вызвать у меня симпатии и определенного сочувствия к судьбе дублера «Фроси». Когда мы уперлись в станционную площадь, «Фрося» предложила прогуляться в обратном направлении, и к тому времени, когда солнце уже начало заходить за горизонт, мы уже уютно расположились внутри церковного дворика, между сугробов на скамейке. Беседа с «двойни-

ком» о понятных для всех событиях жизни, мне явно нравилась больше таинственных явлений, происходящих в плазменных устройствах, и я не спешил возвращаться к ним снова. Поэтому приглашение «Фроси» на чашку кофе, было мной воспринято позитивно, тем более что ее жилище находилось поблизости.

В этом невероятно скучном городке «Фрося» была явно подслана или подброшена мне потусторонними силами, чтобы отвлечь меня от унылых трудовых будней, а может быть и предотвратить меня от более тяжелых и неприятных явлений нашей жизни в будущем. Она была забавна, умна, энергична, с белокурой короткой прической, но слегка полновата. Ее внешность совершенно не соответствовала моим представлениям о красоте, правда, у нее были темные глаза, что слегка смягчало мое критическое отношение к ее облику. «Фрося» была идеальным товарищем для того, чтобы мне на час другой отвлечься от будничных забот, прогуляться по городу, и при этом не вляпаться с ней в какую-нибудь «романтическую» историю.

Несмотря на кратковременное знакомство, вскоре ее я воспринимал, как своего старинного друга-приятеля, с которым можно обсудить любые вопросы из окружающей действительности и даже в случае необходимости получить совет. Такое положение дел меня устраивало, однако «Фрося» из-за своего энергичного характера, периодически пыталась передвигать границу между нами в моем направлении, я же, понимая возможное направление главного удара, предусмотрительно возвращал все в исходное, нейтральное состояние.

Так в плановом порядке близились даты защиты дипломной работы, и реинкарнации «темнокожего» студента в «бледнолицего». Время текло по своим вечным законам, и ничего не предвещало серьезных бурь и потрясений в будущем. Однажды я был приглашен на студенческую вечеринку своего товарища, где так же предполагалось проведение неофициальной части его посвящения в столичного жителя.

Наш студент, удалившись от столицы в город с революционным прошлым, к тому времени, изрядно подрастерял свою столичную группу поддержки и решил пригласить с собой «Серого мышонка», считая, что ее умение вести светскую беседу, никак не сможет испортить дружескую вечеринку. Мы достойно отметили это событие, после которого студент, играя роль джентльмена, заказал такси с намерением вернуть «мышонка» к своим родителям. Поскольку встреча друзей происходила под светлым знаком реинкарнации, а студент находился в хорошем расположении духа, т.е. изрядно выпивши, то до него не сразу дошел смысл вопроса спутницы, возвращавший его на столичную землю.

– Виктор, – слегка картавя имя студента и делая акцент на последнем слоге, обратилась к нему Лена, – скоро тебя ждет завершение учебы и распределение, и как ты намерен решить эту задачу?

– Я уже на пути к ее решению, в крайнем случае, у меня есть страховочный вариант с одним подмосковным НИИ, куда и распределюсь, – ответил я как на духу у своего исповедника.

– И что, тебя устраивает это решение? – не унималась спутница.

– Нет, не устраивает. Более пакостного места в Подмоскovie, на мой взгляд, сложно сыскать. Но умные люди меня недавно надоумили, как преодолеть эти сложности. В одном из столичных учреждений уже месяц, как валяются заявления двух молодых людей с просьбой считать их незаконным, то есть «чернокнижным» браком, – ответил я.

Возникла продолжительная пауза, по завершения которой, спутница по имени Елена продолжила.

– У меня есть другое предложение. Ты на днях расторгнешь существующее соглашение, а мы с тобой после этого заключим похожее, и оформим его в другом районе столицы.

– И зачем мне это нужно? – на удивление трезво, любопытствовал студент. – К тому же я не любитель нарушать договоренности между двумя порядочными людьми, хоть один из них имеет «темноватый» оттенок кожи, имея в виду себя.

– Давай встретимся завтра и обсудим все спокойно. Если говорить кратко то, если тебя что-нибудь не устроит в моем предложении, – ты получишь все то же самое. А если устроит, то и «все остальное». – Довольно туманно сформулировала повестку дня на завтра Лена.

Что скрывалось за словами «Все остальное», студенту оставалось только догадываться. Он покосился на «мышонка» и подумал про себя, если только это то о чем он подумал своей нетрезвой головой, то, скорее всего его это точно не устроит, так как никаких притягательных для него флюидов от Елены не исходило. И даже почувствовал в этом предложении какой-то неприличный привкус. Вместе с тем оно вызвало его интерес, и они договорились встретиться на завтра у метро Парка Культуры.

В условленный час, с пунктуальностью свойственной представителям королевской фамилии, Елена выпрыгнула из дверей трамвайчика, и они вместе отправились в неподалеку расположенное кафе. В дневные часы кафе было почти полупустым.

– Виктор, ты иди в зал, займи столик, а я заскочу на минутку в туалет, приведу себя в порядок и вскоре приду, – распорядилась Лена, как к своему верноподданному.

– Слушаю и повинуюсь, Ваша светлость, – ответил студент с признаками иронии в голосе.

До этого момента все шло, как обычно; студент выбрал расположенный в полутьме уютный столик на двоих и от нечего делать листал меню, а когда поднял от него глаза, отметил, как в его сторону направляется довольно симпатичная, но незнакомая ему девушка. Невысокого роста, стройная с хорошей фигуркой: – темные, как смоль локоны, обрамляли ее матовой белизны лицо. Маленький аккуратный носик, слегка пухлые, но четко очерченные губы, красивый лоб, темные дуги бровей сразу привлекали к себе повышенное внимание окружающих. Она остановилась поблизости и с выражением, исполненным достоинства, поинтересовалась, – не позволит ли «кабальеро» присесть незнакомой даме?

Сложно описать возникшее у студента состояние доступными ему средствами. Тем, кто получал нокаут с одного удара, поймут рассказчика и без объяснений. Он мгновенно потерял дар речи, а через некоторое время, когда поднялся на ноги и этот дар начал медленно возвращаться, он еще некоторое время бессвязно что-то бормотал про себя. Превращение лягушки или самой что ни есть обычной Елены в Елену Прекрасную вряд ли могло вызвать у студента подобный шок. Если бы он был ярым верующим и устоял после внезапного удара на ногах, то осенил это видение крестным знамением, – перед ним находился материализованный образ духа доньи Каэтаны герцогини Альбы, согласно историческим сведениям, жившей более двух сотен лет назад. Современники считали ее красивейшей женщиной Испании, и любовницей художника Франциско Гоя. Может быть, это были злые языки сплетниц и завистниц, но относительно красоты, наш студент все-таки был склонен верить художнику Франциско, – уж он-то должен был понимать в этом толк!

Этот образ сформировался у него после прочтения романа и, несмотря на некоторую предвзятость к надменности высокородных испанцев, и некоторое время являлся его внутренним эталоном женской красоты. Значительно позднее видел он и картину Гои «Обнаженная маха», написанную с натуры герцогини Альбы, но кроме фигуры, ничего образцового в лице в ней не обнаружил. Образ, существующий в его больном воображении, был намного лучше и скорее приближался к облику «неизвестной» с черно белого фото, подобных изображений лиц ему не приходилось видеть никогда.

Вот, как описывает Фейхтвангер образ герцогини Альбы при встрече с художником Франциско: «... Обомлев, не находя слов, стоял он в дверях и, не отрывая глаз, смотрел на герцогиню Альба. Продолговатое смуглое, без румян лицо, обрамленное густыми черными кудрями, с воткнутом в них высоким гребнем, мерцало теплой матовой бледностью. Из-под складок юбки выглядывали маленькие изящные ножки....

– Вам нравится мое кружево? – спросила она. – Это трофеи фельдмаршала Альба, взятые им триста лет назад не то во Фландрии, не то в Португалии.

Он не знал, ответил он, в конце концов, или нет. Не знал, говорил ли кто из окружающих. И вот снова зазвучал глубоко волнующий его голос, ее высокомерное лицо было обращено к нему.

– Так что же нашли вы во мне нового? – опять спросила она...»

Описание образа доньи Каэтаны писателем, показалось мне скудноватым, поэтому, когда я прочитал роман, мне пришлось мысленно дорисовать этот образ по своему вкусу. Вероятно, представший в кафе образ двойника Каэтаны, за исключением мелких деталей, соответствовал тому воображаемому, что и вызвало мою подобную реакцию.

Придя в себя, я начал кружить вокруг «доньи», задавая дурацкие вопросы и восклицая: «Лена, это и правда, ты?... Не может быть!... Не понимаю, зачем тебе нужен был этот маскарад?... Что он доказывает?... Нет! Ничего не понимаю!... Зачем?!»

Вероятно удовлетворившись произведенным эффектом, с видом, – ну и что?! Ну и как «все остальное»? «Донья» Елена, наконец, предложила студенту-кабальеро успокоиться, и перейди к обсуждению актуальных вопросов. Он чувствовал себя полным дураком и, кажется, объявил ей, что переговоры и обсуждение «всего остального» отменяются из-за полной победы одной из высоких договаривающихся сторон. Тут, к своему удивлению, у него начали пробиваться ростки здравости, и он начал рассуждать и задавать осмысленные вопросы:

– Лен, что касается меня, то действительно вопрос «цвета» кожи в настоящее время меня волнует, поскольку в столице реально можно подыскать подходящее мне место дальнейшей деятельности, например, это мог бы быть институт Океанологии и другие на него похожие, куда берут только «бледнолицых». Однако, сейчас я почти в безвыходной ситуации, так как у меня безальтернативный выбор организации типа «ящика», с колючей проволокой и высоким напряжением на ней, и ядерной энергетикой в космосе на многие годы в придачу, а я предпочитаю, все-таки свободу и хочу вдоволь покуролесить по свету. За исключением этих мелочей, НИИ, куда меня берут, меня устраивает, там интересное направление работ.

– Но мне не понятно, зачем это нужно тебе? А потом я о тебе знаю не больше того, что узнал в первые минуты нашего знакомства почти год назад? Тем более, за это время я и сам не очень понимал, зачем мы вообще встречаемся, так как за это время я даже не предпринял попытки взять тебя даже за руку, не говоря уже обо «всем остальном». То, что произошло сегодня, я и сам осознал не совсем до конца, по природе я тугодум и мне на все нужно время, хотя не могу не отметить удачность выбора тобой времени и способа нанесения апперкота. Но глубоко убежден, что большего результата можно было добиться уже давно, не прибегая к маскараду и таким сильнодействующим средствам.

– Это необычная история, – продолжила «донья» Елена – и запасись терпением, если хочешь меня правильно понять. Много лет тому назад, еще в военные годы служили вместе два друга, причем однажды они попали в серьезную передраку, да так, что едва из нее выпутались. Ну и на радостях, что остались живы, договорились, что если когда-нибудь у них будут дети, в частности девочка и мальчик, то они навеки породнятся, заключив между ними союз!

Прошло много лет и как ты сам понимаешь, у одного друга появилась я, а у другого мальчуган, и нас обручили прямо с детства. Наши родители были люди серьезные, в частности мой папа и его друг еще в молодости входили в окружение командующего генштабом, и уже тогда занимали высокие посты и, соответственно, ни о каких изменениях в их планах и намерениях, даже относительно детей не помышляли.

Наши семьи продолжали дружить, несмотря на время и перемены, дети выросли и понемногу до них начало доходить то, что без их ведома и желания втянули в какую-то непонятную, и не совсем детскую игру. И чем ближе приближались дни осуществления неизбежных планов родителей, тем сильнее возрастало противодействие, взрослых детей, этим планам. Незадолго до нашего с тобой знакомства, у меня с моим «суженным» состоялся серьезный разговор, тогда и выяснилось, что и я, и он одинаково отрицательно относимся к осуществлению

планов родителей. Но не знаем, как нам выпутаться из этой ситуации, так как понимаем, что это вызовет серьезное недовольство и противодействие с их стороны. У моего «суженного» есть девушка, которая ему нравится, а после знакомства с тобой, и у меня возникли определенные ощущения; и я хотела бы узнать твое мнение относительно себя, отсюда и происходил весь этот маскарад.

– Лен, прости меня, но мне сложно тебя понять, так как все решения о себе самом я, сколько себя помню, всегда принимал самостоятельно. Однако положение у вас действительно сложное. Выражаясь языком военных, вы окружены и если не предпримите попытки прорвать окружение, вам крышка. К сожалению, на сегодня, у меня нет резервной армии, а главные мои силы отвлечены на борьбу с дипломной работой, а так же подготовке моего превращения в «бледнолицего». Но я на вашей стороне, поскольку не понимаю, как приказом даже верховного командования, можно обязать людей любить друг друга. Здесь генералитетом явно был допущен серьезный стратегический просчет...

– Вить, не юродствуй, пожалуйста, – прервал меня улучшенный мной образ доньи «Каэтаны», тринадцатой герцогини своего великого предка фельдмаршала Альба. – У меня конкретное предложение: мы с тобой заключаем «союз» на бумаге, а если ты не будешь иметь ничего против, то он со временем может перерасти и в настоящий союз.

– Лен, – говорю я ей. – Если бы сегодня своей выходкой, ты не отправила меня в нокаут, и я при этом не растерял на полу остатки того чем думают, то я бы отказался от этой авантюры. Во-первых, потому что не в моих правилах, нарушать какие либо договоренности даже с малознакомым мне человеком, а во вторых, по моему слабому разумению, настоящие союзы так не заключаются. Как они заключаются, я и сам еще пока толком не знаю, но внутреннее ощущение подсказывает мне, что здесь много подводных камней, о которых легко можно расшибить голову.

Ведь тебе необходимо будет заблаговременно, об этих своих намерениях, предупредить родителей, и только в том случае, если они начнут артачиться, тогда, конечно, можно принять свое решение. Но следует иметь в виду, что это будет объявление им войны, которая может продлиться долгие годы или десятилетия. Тебя то они простят в любом случае, но со мной это будет другая история. А мое противостояние профессиональным военным, заведомо обречено на провал, даже если у меня в «заложниках» остается их родное дитя.

– Нет, Витя только не это! Они все разрушат, я уверена в этом, я их знаю. Выход здесь только один, их нужно поставить перед фактом. Вить! Разорви свои прежние договоренности...

– Лен, – говорю я ей, – поскольку яд или какое-то приворотное зелье уже распространяется по моим кровеносным сосудам и жилам, я не буду столь принципиален в своих убеждениях, и похоже, что меня уже легко убедить в чем угодно. Но свое мнение я сформулировал. Давай договоримся так: – я сегодня свяжусь со своим компаньоном, и если с той стороны буду понят правильно, мы станем на тропу, с которой будет трудно свернуть в сторону или повернуть назад.

Контакт с моим компаньоном, оказался позитивным. Едва я заикнулся о некоторых препятствиях, возникших на моем пути, мне тут же сообщили, что и моя напарница, примирившись со своим возлюбленным, намерена свои проблемы разрешить уже без участия студента, что показалось мне благоприятным началом для нового предприятия. Через день, в другом социальном учреждении появились свежие заявления двух студентов старшекурсников.

Образ доньи Каэтаны, через некоторое время, сообщил мне, что примерно на месяц она покидает столицу с туристической группой в роли переводчика, и как раз после ее возвращения мы сможем завершить все запланированные официальные процедуры. Я же удалился в резервацию, поселился в монашеской келье и ушел с головой в диплом и связанные с ним плазменные явления. Недели через две в нашей с приятелем келье объявилась «Фрося» и,

приложив немалое усилие, вытащила студента подышать «свежим» промышленным воздухом. Через некоторое время, она обратила внимание, что студент слушал ее невнимательно, отвечал невпопад, а над шутками смеялся не в тех местах, где положено.

– Вить, что сегодня с тобой, ты какой-то сам не свой? – Заметила она.

– Да переутомился, наверное, ведь с этой плазмой дойдешь до маразма. – Ответил я словами популярной в то время песни.

– А потом у меня новость! Я собираюсь жениться и не в отдаленном будущем, а через месяц. Пришло время браться за ум и кончать с этой рассеянной жизнью, которая ничего кроме вреда здоровью не приносит, – говорю я ей. – Может быть, это меня и отвлекает, ведь не каждый же день такое случается.

Возникла пауза, «Фрося», наверное, обдумывала поступившие свежие новости.

– И кто ж она, твоя избранница? Где живет, как ее зовут, и на какое время назначен обряд?

Я назвал дату.

– А относительно всего остального я бы тебе сказал, да толком и сам не знаю, хоть и знаком с ней уже почти целый год. Она – студентка последнего курса института, который и ты оканчивала по специальности английского языка. Живет в Москве. Из семьи военных, а зовут Лена. Весь этот год я изредка встречался с ней, хотя какого-либо значительного интереса к ней не проявлял. И знаешь, что для меня непонятно совершенно, так это ее поведение. Обычно люди сначала хотят подать себя с лучшей стороны, а в ее случае все было с точностью наоборот. У меня «открылись» глаза на нее только при одной из последних встреч, когда она решила отказаться от маскарадного костюма, превращавшего ее почти что в уродину.

– И, кажется, начиная с того момента, я полностью съехал с «катушек». Явившийся ко мне образ, вероятно, вынашивался у меня внутри долгое время, поэтому стоило мне на нее взглянуть, – и я пропал. Чем-то она напомнила мне, выдуманный мной образ доньи Каэтаны герцогини Альбы из романа Фейхтвангера. Я бы сказал, что она по своему красива, необычна, как своим видом, так и своими оригинальными выходками. Причем все мои доводы самому себе об очередной глупости, которую я совершаю, мой организм отвергает без всяких объяснений. Я не подвержен действию гипноза и внушению, поскольку проверял это у профессионалов, но то, что случилось иначе как гипнозом или колдовством не назовешь.

– Вить, можно я задам тебе несколько вопросов, а ты, по возможности, ответишь на них правдиво?

– Валяй, – говорю я ей, – буду правдив, как перед лицом святой инквизиции. Я и сам толком ничего не знаю, да и кто в этом мире может с уверенностью сказать, что он что-нибудь знает или в чем истина, а где ложь?

– Так вот, продолжала «Фрося», – скажи, ты когда-нибудь с ней присутствовал среди ее друзей, знаком с ее родителями, слышал о ней мнение ее знакомых? Я уже не спрашиваю о том, не предавались ли вы утехам греховной любви?

– Нет! Ни в чем таком я не замешан, ничего не видел и не слышал. Но я думал об этих странностях нашего с ней знакомства. А относительно всего остального, то я не приближался к ней и на расстояние вытянутой руки. Ты, кстати, повела себя со мной порядочно и сразу представила меня своим медицинским и авиационным родителям, которые, из-за хорошо сваренного кофе, произвели на меня неплохое впечатление.

– Вить, мне, конечно, приходило в голову, что ты немного не в себе, но я не предполагала, что до такой степени! Ты хочешь надолго связать свою жизнь с абсолютно незнакомым тебе человеком? Не зная ее друзей, товарищей, родителей, строго говоря, не зная абсолютно ничего. – Абсолютно правильно и трезво рассуждал двойник «Фроси».

– Да, получается что так, – ответил я утвердительно.

– Если хочешь знать мое мнение, то ты полный или круглый идиот, выбирай, что хочешь, говорит мне «Ефросинья», – послушай меня и не делай этого!

– Не могу, – ответил я, почти обреченно.

– Ладно, – говорит мне она, – делай, как знаешь.

На этом мы расстались. Дела с дипломом подошли к концу, появилось свободное время, и я опять увиделся с белокурой «Фросей». Во время этой последней нашей встречи она довела до моего сведения, что пользуясь своими каналами, ей удалось собрать кое-какую информацию о «таинственной» незнакомке. Действительно подтвердилось, что она имеет некоторые странности характера, с детства дружила с одним молодым человеком. Были подтверждены слухи о помолвке и что они друг друга, выносить не могут, так что с этой стороны девушка по имени Лена представила о себе правильные данные.

– Это уже не имеет значения, – говорю я «Фросе».

Всегда, когда мне случайно на глаза попадают кадры подрыва здания взрывниками, меня никогда не покидает удивление и даже восхищение! Длительно возводимое здание, на которое потрачена уйма времени, сил и материалов в считанные мгновения превращается в грудку трухи. Примерно также часто обстоят дела с нашими жизненными планами и намерениями.

Как при подрыве здания, вскоре «Фросей» был подожжен бикфордов шнур заложенной взрывчатки и до полного разрушения затеи, которую вынашивала копия тринадцатой герцогини Альба, и в которой принимал достаточно пассивное участие студент выпускник, оставались считанные дни.

Накануне возвращения «доньи Каэтаны» из туристической поездки, в квартире, где обитали ее родители, раздался телефонный звонок, и некая «неизвестная», конечно же, из лучших побуждений, сообщила, что сведения, которыми она располагает касательно их единственной дочери, будут весьма интересны для ее родителей. «Неизвестная» далее сообщила, что у их дочери не позднее чем через два дня назначена официальная, но тайная церемония с одним молодым человеком. Этот молодой человек в сущности всем хорош, но сейчас он заканчивает образование, и для удачного распределения ему нужна столичная прописка. У него есть любимая девушка, которая проживает за пределами столичной кольцевой автомобильной дороги, с которой он намерен в будущем связать свою судьбу, но ваша дочь ни о чем таком не подзревает. По их совместному решению, о предстоящей церемонии, решено до поры до времени не информировать широкую общественность, в том числе и родителей...

Дальнейшие события развивались лавинообразно. По возвращении «Каэтаны-Елены», ее родителями был незаметно изъят паспорт и припрятан в надежном месте, после этого до нее были доведены сведения, переданные «доброжелателем» их семье. И в то время, когда студент дозвонился до жилища потомственных «герцогов» с намерением выполнить добровольно взятые на себя обязательства, там, по-видимому, стоял полный бедлам, а ее матушка посоветовала звонившему, при желании, вернуться к этому вопросу позднее, когда все утихомирится. «Герцогиня» подойти к телефону решительно отказывалась. В течение нескольких дней молодой человек прилагал все усилия, чтобы выйти на прямой контакт с «герцогиней» и понять, что собственно произошло? Но она была неумолима, и вступать в переговоры со столь легкомысленным студентом отказывалась.

Вот здесь рассказчика снова потянуло на отступление от основного сюжета рассказа. Вызвано это было тем обещанием, которое он дал самому себе в самом начале повести, а именно – при каждом подходящем случае вспоминать давно ушедших людей, тех которые по различным причинам были ему близки. К одному из таких людей автор причисляет и Сервантеса. Образ этого великого человека и писателя возник перед рассказчиком не случайно, а в связи с сюжетом еще не оконченного рассказа о годах студенчества героя этой повести.

Восхищение Сервантесом, конечно, возникло у студента после его знакомства с его жизненным путем и, конечно же, его творчеством. И на протяжении всей жизни, рассказчика

и автора настоящей повести не покидала мысль посетить те места, где бывал этот человек и тем самым как бы отдать ему заслуженные почести. И вот, когда надежда уже начала таять, ему случайно подвернулась возможность побывать в Италии, а в частности на набережной Неаполя, где разгуливал Мигель де Сервантес после ранения в битве при Лепанто, дожидаясь корабля на родину в Испанию.

Насколько может вспомнить рассказчик, день посещения автором набережной порта, выдался на удивление мерзким. Ветер нагнал из Неаполитанского залива свинцовые облака, сквозь эту завесу с набережной даже не просматривался вулкан Везувий. Секущий, не прекращающийся ни на минуты ливень не давал возможности высунуться из кабины автомобиля, тем не менее автор этого творения не оставил своих намерений прогуляться тем же путем, которым бродило «зерцало странствующего рыцарства» и человечности. Промокнув насквозь, он все-таки прошелся вдоль набережной в одну, а затем и в другую сторону, мысленно представляя себе, будто бы он прогуливается с человеком, появившемся на этот свет до него ровно четыре века назад!

После подобного экскурса в историю, рассказчик вознамерился вернуться в наши дни, возвратился к оставленному им легкомысленному студенту, который после полученных сердечных ран отправился к своим друзьям в их совместную обитель, где и растянулся на собственной постели, наподобие неподвижного бревна.

Больной студент, практически не говорил ни с кем из своего окружения, отказывался от еды и питья, за исключением пива, приносимого его товарищами. И когда его состояние начало вызывать у товарищей серьезную озабоченность, они собрались у его изголовья в попытках выяснить причину посетившего его серьезного недуга. Слово за слово, у его товарищей, вначале туманно, потом все яснее начала прорисовываться причина хвори, овладевшая их старинным приятелем. И каждый, в меру своего понимания, пытался принять участие в судьбе захворавшего студента.

Одни советовали собраться гурьбой и, прихватив с собой гитары, отправиться незамедлительно к дому потомков Альбы, исполнять серенады до тех пор, пока надменная «герцогиня» не удостоит их знаками своего внимания и не допустит кого-нибудь из них к аудиенции. Другие склонялись к мнению, что потомкам фельдмаршала следует объявить ультиматум и пригрозить, что, дескать, если упомянутая выше Елена, не будет отдана ими добровольно, то студенческий сброд может перейти к наступательным действиям и даже к ее похищению. Третьи предлагали стать на дипломатический путь урегулирования конфликта и для этого уже сформировали из своего состава дипломатический корпус.

Находящегося в полубредовом состоянии студента от всех этих разговоров начали посещать видения, – ему пригрезилось, что он находится в кругу студенческих друзей университета города Саламанки, то есть превратился в одного из персонажей, описанных Сервантесом в своих «Назидательных новеллах». Как раз в новелле «Подставная тетка» описаны приключения студентов Саламанки, связанные с прибытием в их город одной дамы и девушки весьма «строгих» правил, поразительной красоты и осанки, по-видимому, ее дочери или племянницы. Видения были настолько реалистичны, что у захворавшего студента не возникало никаких сомнений в их достоверности:

– Было уже недалеко до полудня, а дом, в котором обитали эти двое, все еще был заперт снаружи, из чего прибывшие к нему дружки легкомысленного студента, заключили, что его обительницы пребывали где-то на стороне и могли вскоре вернуться. Предположение это оказалось верным, и, немного погодя, они увидели приближающуюся даму в возрасте, впереди которой шла девушка на вид лет восемнадцати, с серьезным лицом, большими, и видимо по недосыпанию грустными, темными глазами.

Почтенная дама приблизилась к дому, а привратник открыл им дверь. При этом, стоявшие невдалеке студенты дипломатической миссии, сорвали с себя шляпы с исключительной

вежливостью и почтительностью, почти переходящую в нежность, всем своим видом демонстрировали входящим, о своем к ним расположении. Они слегка согнули ноги в коленях и при этом опустили глаза с таким видом, как если бы они были самыми учтивыми кабальеро и наиболее успешными студентами на всем белом свете.

Дамы проследовали в дом, не оставив никаких надежд молодым людям на дальнейшее продолжение их знакомства. Они остались на улице, погруженные в задумчивость, теряясь в догадках, что им предпринять далее и как помочь своему товарищу, умирающему у себя на кровати от сердечного недуга. Тут же ими было решено устроить знатным сеньоритам серенаду ночью. Это, как известно, главный знак внимания, какой могут позволить оказать дамам бедные студенты во всех странах и во все времена.

Затем они отправились свести счеты со своим вечным врагом, – голодом, иначе говоря, разделаться более чем скудной едой. Подкрепившись, они созвали других друзей, среди которых находились неплохие певцы, – то есть попросту горлопаны. Тем временем наступила ночь, и вот, в подобающий для такого рода торжественных выступлений час, ватага юнцов с гитарами наперевес, собрались вместе для исполнения ночной серенады. Пышное шествие собутыльников нашего студента, повторно направилось к дому не очень любезной сеньоры и ее дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.